

РЕЛИГИЯ И НАУКА

въ ихъ взаимоотношеніи къ наступающему XX-му столѣтію ¹⁾.

Когда занималась заря XIX столѣтія, свободомыслящіе люди Европы бодро и смѣло смотрѣли въ будущее они вѣрили, что начинается новая эра въ исторіи человѣчества, что въ близкомъ будущемъ восторжествуетъ свобода—политическая и научная, и что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ политическаго рабства разсыятся и религіозныя суевѣрія. Воображенію свободолюбивыхъ философовъ конца XVIII вѣка рисовался свободный сынъ XIX столѣтія, сынъ не имѣющій никакихъ господъ и не знающій властей и авторитетовъ, кромѣ авторитета своего разума. Еще раньше, чѣмъ солнце XVIII вѣка зашло, одинъ изъ сыновъ этого вѣка (Вольтеръ) сказалъ: „пройдетъ сто лѣтъ и христіанство сдѣлается достояніемъ исторіи“. Разуму этого философа христіанство представлялось явленіемъ антиразумнымъ, антираціональнымъ, и онъ былъ убѣжденъ, что свѣтъ науки скоро покажетъ всему человѣчеству эту антиразумность и антираціональность христіанскихъ доктринъ, что на мѣсто стѣсняющей совѣсть догмы станетъ охраняющее совѣсть право, на мѣсто скрывающей истину религіи станетъ изслѣдующая истину наука. Желанныя сто лѣтъ прошли. И XIX вѣкъ отходить въ вѣчность, какъ назадъ сто лѣтъ отходилъ въ вѣчность XVIII вѣкъ. Исполнилось ли приведенное пророчество?

---

¹⁾ Вступительныя чтения по Введенію въ Богословіе въ Московской Духовной Академіи (6—20 сентября 1899 г.) по возвращеніи изъ заграничной командировки.

Вы, господа, собравшіеся сюда въ эту скромную аудиторию, свидѣтельствуете своимъ присутвіемъ здѣсь, что это было не пророчество, а только мечта, что эта мечта не осуществилась, и что имѣются люди, которые признаютъ безумнымъ и горькимъ дѣломъ ея осуществленіе. Вы явились сюда, чтобы изучать православно-христіанское богословіе, православно-христіанскую религію, но изучать — не какъ историческій памятникъ, не какъ оставленную грезу, а какъ живое и дѣйственное ученіе, которое должно осуществлять въ жизни и въ осуществленіи котораго заключается истинное благо и истинная жизнь. Но можетъ быть мы съ Вами только немогія и печальныя исключенія, только старыя тѣни, пережитокъ прошлаго? Можетъ быть современное научное откровеніе еще не проникло съ своимъ свѣтомъ въ ту умственно низкую ложбину, въ которой живемъ мы, и въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ, солнце знанія дѣлаетъ для всѣхъ явную истину, мы, блуждающіе въ тѣни, живемъ еще вѣрою въ старыя призраки?

Ваша совѣсть и Ваша вѣра протестуютъ противъ этой гипотезы: на моей обязанности лежитъ показать, что и разумъ не можетъ согласиться съ нею. Религіозная вѣра существуетъ. Ее отрицаютъ, ее пытаются отвергать, на нее нападаютъ со всевозможнѣйшихъ сторонъ; но она свѣтитъ и грѣбеть въ сердцахъ лучшей части человѣчества. Мы съ Вами избрали своею задачею служить дѣлу утвержденія этой вѣры. Какъ служить—объ этомъ Вамъ много будутъ говорить въ будущемъ. Но теперь въ настоящемъ при моемъ первомъ знакомствѣ съ большинствомъ изъ Васъ предлагаю Вамъ нѣкоторые доводы въ доказательство того, что религіозная вѣра существуетъ не у однихъ насъ. Затѣмъ мы постараемся рассмотреть съ Вами положеніе вѣры—ея современное отношеніе къ ея (говорятъ) исконному врагу—знанію: и, на основаніи этого рассмотрѣнія, мы попытаемся установить первыя методологическія правила въ дѣлѣ выясненія и обоснованія вѣры.

I.

Я проѣхалъ въ 98—99 г.г. по Европѣ, около полугода я жилъ въ Берлинѣ и пять мѣсяцевъ въ Парижѣ — этихъ

двухъ умственныхъ центрахъ стараго материка. Исполняется ли тамъ пророчество фернейскаго пророка? Существуетъ ли тамъ вѣра, какъ умиравшій пережитокъ, или она и тамъ, какъ у насъ, есть сила дѣйствующая во спасеніе? И затѣмъ, сравнительно съ тѣмъ, что было назадъ столѣтіе, насколько мы знаемъ и можемъ судить объ этомъ бывшемъ, расширилось или, наоборотъ, сдузилось и ослабѣло это царство вѣры? Мнѣ кажется, я высказываю свое личное мнѣніе, что царство вѣры теперь укрѣпилось въ качественномъ отношеніи, вѣра стала болѣе разумною и слѣдовательно болѣе крѣпкою. Конечно, вѣра—не платье, она не выставляется наружу и оцѣнить ея глубину и опредѣлить ея размѣры далеко не такъ легко, какъ опредѣлить значеніе какихъ-либо экономическихъ приобрѣтеній или территоріальныхъ захватовъ. Вѣра, это—сокровище, которое человѣкъ носитъ въ глубинѣ своего духа и которое, помня заповѣдь Спасителя, онъ даже старается скрывать отъ непосвященныхъ. „Не давайте святыни псамъ“. Можно ли говорить о благодатной силѣ таинства тѣла и крови съ человѣкомъ, для котораго всякое таинство есть только грубое и безмѣрное суевѣріе—предметъ для остротъ и насмѣшекъ. Предъ нимъ должно молчать, чтобы онъ не принялъ горшаго осужденія. Но къ счастью и скрывающая себя молчаливая внутренняя вѣра неизбѣжно должна проявляться въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ—въ поведеніи, въ отношеніяхъ къ людямъ, въ образѣ дѣйствій. И не только вѣра, но даже и желаніе и исканіе вѣры—я имѣю въ виду разумное и честное исканіе—не могутъ совсѣмъ оставаться тайными: ихъ можно открыть и замѣтить. Христіане перваго вѣка, исповѣдая тайно свою религію, имѣли нѣкоторый условный знакъ, по которому узнавали другъ друга—знакъ рыбы. Христіанинъ, подозрѣвая въ незнакомомъ собесѣдникѣ христіанина, чертилъ или показывалъ знакъ рыбы, и если собесѣдникъ дѣйствительно былъ христіаниномъ, онъ отвѣчалъ на этотъ тайный знакъ явнымъ исповѣданіемъ вѣры. Массоны новаго времени имѣютъ тоже условные знаки, по которымъ они узнаютъ принадлежность другъ друга къ франкмасонской общинѣ. Но кромѣ этихъ условныхъ знаковъ есть нѣкоторая безусловная печать, которую налагаютъ на человѣка его религіозныя убѣжденія, и отъ взора даже

непроницательнаго и неглубокаго не можетъ совѣмъ ускользнуть эта печать—печать дара Духа святаго. Виѣшняя жизнь человѣка есть выраженіе его внутренней настроенности, и вотъ, мнѣ кажется, что современная жизнь запада являетъ нерѣдкіе примѣры истинной религіозности—той религіозности, которая является могучею силою міра и ради которой можетъ быть и стоить міръ.

Дѣйствительную вѣру, разъ она существуетъ дѣйствительно, теперь найдти легче, чѣмъ это было сто лѣтъ назадъ. Нѣкоторыя условія назадъ тому столѣтіе дѣлали то, что людямъ въ родѣ Вольтера казалось, что истинной вѣры (т. е. вѣры дѣйствующей во благо) нѣтъ совѣмъ, а людямъ много склада ума, чѣмъ у Вольтера, казалось и кажется и теперь, что назадъ тому столѣтіе истинной вѣры было очень много. Дѣло въ томъ, что тогда рядомъ съ истинной вѣрой было много симуляціи вѣры. Трудно было иногда различить первую и вторую. Быть вѣрующимъ часто бывало выгодно, и потому рядомъ съ вѣрою тогда стояло лицемеріе. Репутація религіозной благонадежности, твердость въ вѣрѣ стоили тогда гораздо дороже всякихъ дипломовъ, и поэтому даже либеральные короли XVIII столѣтія при назначеніяхъ на высокія должности руководились какъ главнымъ мѣриломъ таковой репутаціей, и, поощряя вольномысліе въ гостинной, всячески возбраняли ему входъ въ канцеляріи министерствъ. Но канцеляріи эти заманчивы, и потому люди опытные и практичные сбрасывали съ себя легкомысленный костюмъ вольнодумцевъ, облачались во вретнище благонадежности, начинали усердно ходить въ церковь, усиленно вздыхали о грѣхахъ и, имѣя въ перспективѣ царство небесное, скоро пріобрѣтали очень хорошее положеніе въ царствѣ земномъ. Теперь такое побужденіе къ религіозному лицемерію сильно ослабѣло. Во Франціи ему повидимому трудно имѣть мѣсто. Тамъ религіозность, понимаемая въ смыслѣ католическомъ, естественно можетъ внушать себѣ только опасенія. Тамъ сомнѣваются, чтобы глубокорелигіозный католикъ могъ быть глубокимъ патріотомъ, потому что для искренняго католика интересы Ватикана должны быть дороже интересовъ Франціи, и затѣмъ тамъ сомнѣваются, чтобы искреннему католику могъ нравиться теперешній правительственный строй республики. Христіан-

ская монархія для вѣрующихъ католиковъ должна представляться несравненно болѣе привлекательною, чѣмъ не признающая никакой религіи палата депутатовъ. Поэтому католики въ католической Франціи считаются опасными людьми. Когда тамъ происходятъ религіозныя торжества, и должны бывать говорить духовные ораторы—наприм., въ этомъ году на празднествахъ въ честь Жанны Даркъ—правительство заранѣе волнуется, боится антиправительственныхъ рѣчей со стороны духовныхъ, и въ странѣ, гдѣ не запрещаются никакія сходки, гдѣ терпятся анархисты, иногда замѣчается недостатокъ терпимости по отношенію къ служителямъ христіанской религіи. Когда нынѣшнимъ лѣтомъ на скачкахъ въ булонскомъ лѣсу оскорбили дѣйствіемъ президента, въ этой дикой расправѣ кромѣ непосредственныхъ участниковъ обвиняли вообще аристократовъ и клерикаловъ, и лучшіе изъ таковыхъ—назову между ними извѣстнаго антрополога маркиза Надаеяка—должны были подать особую петицію о своей совершенной лояльности, полной готовности подчиняться законамъ республики и съ выраженіемъ порицанія тѣмъ, кто такъ грубо выразилъ свой протестъ противъ существующаго правительственнаго строя. При такихъ условіяхъ, понятно, не всякій имѣющій наклонность быть лицемѣромъ захочетъ имъ быть въ дѣйствительности, во всякомъ случаѣ для удовлетворенія своей артистической наклонности къ симуляціи, онъ предпочтетъ стать лицемеромъ нерелигіознымъ, а политическимъ: будетъ прославлять не Бога, а принципы свободы и равенства и вмѣсто религіозныхъ собраній будетъ усердно посѣщать политическіе митинги. Но пусть его ходитъ, куда онъ хочетъ. Для насъ важно, что около каждаго вѣрующаго человѣка теперь рядомъ не стоитъ симулянтъ и поэтому теперь рѣже и меньше должно приходится думать—имѣемъ ли мы дѣло въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ съ дѣйствительною вѣрою или съ притворствомъ. Конечно, нельзя сказать, что религіозное лицемѣріе исчезло совсѣмъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ оно не исчезло и во Франціи, но оно ослабло.

Рядомъ съ лицемѣріемъ въ доброе старое время было много ханжества. Лицемѣръ стремится обманывать другихъ, ханжа идетъ далѣе: онъ обманываетъ и самого себя. Усердно исполняя виѣшній ритуаль религіи, онъ пріобрѣтаетъ внут-

ренною увѣренность, что онъ не таковъ, какъ прочіе чело-вѣки. Мнимымъ или дѣйствительнымъ образомъ эта увѣренность передается и другимъ, и такимъ образомъ ханжа пріобрѣтаетъ внѣшній почетъ и внутреннее благополучіе, пріобрѣтаетъ вліяніе на дѣла и притомъ на дѣла, требую-ція въ высшей степени нравственно-деликатнаго отноше-нія—на дѣла религіозной совѣсти. Вліяніе ханжей въ этомъ отношеніи было и велико и плачевно. Нерѣдко это—люди, у которыхъ порочность, безчувственность, жестокость по отношенію къ ближнимъ соединяются съ придачіемъ великой важности и съ тщательнымъ исполненіемъ какихъ-либо правилъ религіознаго ритуала, исполненіе которыхъ съ ихъ стороны не требуетъ никакихъ усилій и никакого труда, но которыя для другихъ часто являются бременами неудобно-носимыми. Такого рода ханжество боится просвѣщенія: свѣтъ знанія заставляетъ ханжей оставлять предсѣдательство на торжищахъ и бѣжать въ темныя норы и тайныя помѣщенія, всеравно какъ свѣтъ солнца заставляетъ прятаться лету-чихъ мышей и совъ. Только невѣжественныхъ людей ханжи успѣвають убѣдить, что исполняемая ими правила—важ-нѣйшія и спасительнѣйшія правила и что неисполненіе ихъ великое преступленіе, тѣсны, которыми они привлекаютъ уваженіе къ себѣ и гнѣвъ на легкомысленно относящихся къ ихъ священному культу. Умственное развитіе, не касаясь щекотливаго вопроса о тѣхъ побужденіяхъ, которыя заставляютъ ханжей становиться ханжами, показываетъ, что ихъ дѣло—пустое дѣло и даже не дѣло, къ нимъ начинаютъ относиться съ насмѣшкою и презрѣніемъ и ихъ перестаютъ слушать, и они тогда удаляются въ свои коморы, чтобы оплакивать развращенность людей, а охотниковъ стать ихъ преимками въ виду невыгодности занятія не оказы-вается.

Такъ, по мѣрѣ развитія изъ кадровъ людей, стоящихъ подъ знаменемъ религіозной вѣры, выходятъ лицемѣры и ханжи, затѣмъ, по мѣрѣ научнаго развитія отъ вѣры, кото-рая сама становится просвѣщенною, отдѣляются люди суевѣр-ные и люди слѣпой вѣры. Источникъ слѣпыхъ и суевѣр-ныхъ вѣрованій — умственная и нравственная дѣнь Люди, мышленіе которыхъ не привыкло работать, смотрятъ на вещи глазами своихъ отцовъ, повторяютъ ихъ символъ вѣры и

служать ихъ богамъ, но истинное богочитаніе не можетъ быть наслѣдственною привычкою, а должно быть выраженіемъ живаго убѣжденія и личной настроенности. Рутинна въ дѣлѣ религіи часто прикрываетъ отсутствіе религіи, а тамъ, гдѣ она является даже фанатичной, прикрываетъ отсутствіе разума. Если люди, не любящіе мыслить, становятся приверженцами слѣпой вѣры, то люди, не любящіе нравственной самодѣятельности, охотнѣе другихъ подчиняются вліянію суевѣрій, они живутъ въ мірѣ нелѣпныхъ страховъ и химерическихъ надеждъ, но понятно, что опоры своимъ заблужденіямъ они могутъ находить только въ своеобразномъ толкованіи религіознаго ученія о тайнѣ и таинствѣ, а не въ рационализмѣ. По естественному порядку такіе люди свою патологическую религіозность должны передавать своимъ дѣтямъ, но здѣсь между ними и ихъ дѣтьми ставится просвѣщеніе, наука. Новыя знанія, которыя даетъ этимъ дѣтямъ школа, оказываются несогласимыми или трудно согласимыми съ вѣрованіями отцовъ. Разбираться въ этихъ вѣрованіяхъ и знаніяхъ оказывается и трудно и некогда; при новыхъ условіяхъ жизни является болѣе удобнымъ пользоваться новыми знаніями, чѣмъ старыми вѣрованіями и суевѣріями, и дѣти пассивно плывутъ по новому руслу, которое прорыла новая эпоха, какъ отцы пассивно плыли по старому.

Такъ, въ XIX столѣтіи происходило не паденіе религіи, не крушеніе вѣрованій, а оставленіе знамени вѣры тѣмъ, которые всегда были сомнительными неповѣдниками истинъ религіи, и нравственныя качества которыхъ нерѣдко могли бросать только тѣнь на то знамя, подъ которымъ они стояли. Должно ли скорѣть о томъ, что съ ихъ удаленіемъ ряды вѣрующихъ порѣдѣли? Нѣтъ, думаемъ мы, потому что они не только не служили дѣлу религіозной истины, но нерѣдко препятствовали и другимъ увидѣть, гдѣ она находится. Однако было бы большою несправедливостію сказать, что наука, просвѣщеніе отняли у христіанства только ненужныхъ или даже негодныхъ членовъ. Нѣтъ, взглянемъ смѣло въ глаза истинъ и сознаемъ, что наука отнимаетъ у религіи людей, которые, еслибы она не отняла ихъ, были бы добрыми сынами вѣры. Такое обвиненіе науки можетъ нѣкоторымъ показаться ужаснымъ, парадоксальнымъ, но за

всѣмъ тѣмъ оно справедливо: наука заставляла и заставляетъ многихъ отказываться отъ признанія истинъ религiи во имя двухъ родовъ основанiй: во 1) потому что наука неоднократно провозглашала, какъ доказанную истину, положенiя, которыя стоятъ повидимому или въ дѣйствительномъ противорѣчii съ истинами вѣры; во 2) потому что наука, воспитывая мышленiе человѣка въ сферѣ естественнаго, тѣмъ самымъ отучаетъ его отъ пониманiя сверхъестественнаго: одностороннее изученiе матерiи заставляеть забывать о духѣ; и постоянное изслѣдованiе физическихъ законовъ необходимости дѣлаеть непонятными и недопустимыми нравственные законы свободы. Такимъ образомъ и методы науки и ея содержанiе являются искушенiемъ для вѣры человѣка. Господь не налагаетъ на людей искушенiй болѣе, чѣмъ они могутъ понести, но люди часто не обнаруживаютъ охоты нести и такое бремя, которое вполне отвѣчаетъ ихъ силамъ, отъ этого и происходятъ паденiя при искушенiяхъ. Теперь въ новое время, какъ и въ первые дни послѣ творенiя, искушенiе дiавола: будете какъ боги, знающiе добро и зло, оказывается особенно гибельнымъ. Исполняется толкованiе Господа притчи о плевелахъ: „Ко всякому слушающему слово о царствii и неразумѣющему приходитъ лукавый и похищаетъ посѣянное въ серцѣ его: вотъ, что означаетъ посѣянное при дорогѣ“ (Мѣ. XIII, 19).

Безъ сомнѣнiя, это печально. Печально видѣть людей, которые повидимому по своимъ умственнымъ дарованiямъ и нравственнымъ качествамъ должны бы были быть украшенiемъ христіанской церкви и которые выступаютъ на борьбу противъ этой церкви. Печально видѣть это пранiе противъ рожна, которое притомъ обыкновенно заканчивается не тѣмъ, что Савлы становятся Павлами, но, напротивъ, тѣмъ, что и слушавшіе раньше слова св. Павла превращаются въ Савловъ. Церковь покидается. Надежды Вольтера на то, что наука будетъ отнимать у церкви ея сыновъ, оправдывались и оправдываются отчасти, но къ счастью только отчасти. Остается еще добрая земля, сѣмя, посѣянное на которой; приноситъ плодъ: одно—во сто кратъ, другое—въ шестьдесятъ, иное въ тридцать. т. е. есть люди, слушающiе слово истины и разумѣющiе его.

Нѣкогда пророку при Хоривѣ, возмущенному нечестiемъ

Израиля и думавшему, что только онъ одинъ остался вѣрнымъ служителемъ Господу, въ вѣяніи тихаго вѣтра Господь возвѣстилъ, что Онъ „оставилъ между израильтянами семь тысячъ (мужей); всѣхъ сихъ колѣна не преклонялись предъ Вааломъ и всѣхъ сихъ уста не лобызали его“ (3 цар. IX, 18), Мы недостойны подобно великому пророку получать вразумленія свыше. Но достаточно вразумленій намъ даетъ сама дѣйствительность. Намъ говорятъ: „невѣрующій западъ“, „гнѣющій западъ“, намъ пишутъ книги: „борьба съ западомъ“, все это, конечно, должно утверждать въ мысли, что религіозность на западѣ подгниваетъ, и что просвѣщеніе тамъ неизбѣжно соединяется съ безбожіемъ. Но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Книги часто бываютъ плохимъ зеркаломъ дѣйствительности, искажающимъ и обезображивающимъ ее. Одну сторону жизни, одно явленіе, нѣсколько фактовъ писатели обобщаютъ, провозглашаютъ всеобщій характеръ этого явленія, ужасаются имъ или ликуютъ. Изъ множества красокъ и цвѣтовъ, которыми пестрѣетъ міръ, они выбираютъ какой-либо одинъ и думаютъ, что избранный ими цвѣтъ и есть окраска цѣлаго міра. Нѣсколько атеистическихъ и кощунственныхъ книгъ, нѣсколько случаевъ, говорящихъ о дурной нравственности и безрелигіозности, и вотъ готово обобщеніе, что люди невѣрують, развратились, какъ во дни Ноя, и что нужно ждать скорого гнѣва Божія подобнаго тому, который нѣкогда поразилъ Гоморру. Но міръ стоитъ. Солнце свѣтитъ. Каждую весну расцвѣтають цвѣты, природа облекается въ праздничные уборы, птицы и животныя наслаждаются радостями жизни, а человѣку дано ихъ неизмѣримо больше. Значитъ, есть нѣчто доброе въ мірѣ, ради чего поддерживаетъ Господь бытіе міра, значитъ, есть еще въ человѣчествѣ горѣніе и трепетаніе духа, тяготѣніе къ безконечному благу.

Да, оно есть, не на востокѣ только, не въ Москвѣ которую парижане называютъ святымъ городомъ (*la sainte ville de Moscou*), но и въ Парижѣ и въ другихъ старыхъ городахъ старой Европы.

Вотъ передъ нами столица Германіи-Берлинъ. Въ немъ немало величественныхъ и просторныхъ церковныхъ зданій. Посмотрите на жизнь Берлина между 10 и 12 часами по воскреснымъ днямъ. Всѣ магазины, всѣ торговыя заведенія

заперты, улицы пустыньны и даже на обыкновенно оживленномъ Фридрихштрассѣ—этомъ жизненномъ нервѣ Берлина—вы находите рѣдкихъ встрѣчныхъ и на лицахъ всѣхъ какъ бы написано, что они и сами понимаютъ, что теперь не время флангировать по городу. Войдите въ церкви: онѣ полны посѣтителями. Въ протестантскихъ церквахъ присутствующіе сидятъ, но если вы пришли поздно, для васъ не останется мѣста на скамейкахъ и вамъ по православному обычаю придется слушать службу стоя. Пѣніе, игра на органѣ, молитва и проповѣдь, вотъ—содержаніе протестантской службы. Въ пѣніи отчасти принимаютъ участіе всѣ присутствующіе, проповѣдь слушается съ глубокимъ вниманіемъ, тишина, серьезность. Составъ присутствующихъ разнообразный: старые и молодые, мужчины и женщины, преобладаетъ элементъ женскій, дѣти совершенно отсутствуютъ. Но не думайте, что дѣти забыты. Для нихъ совершается специальная служба около двухъ часовъ дня. Тогда происходятъ церковныя собранія изъ тѣхъ малыхъ, о которыхъ Христосъ сказалъ, что таковыхъ есть царствіе Божіе. Маленькіе мальчики и дѣвочки всегда хорошо и чисто одѣты, какъ бы ни были бѣдны ихъ родители, съ серьезными и торжественными лицами сопровождаемые матерями, няньками и воспитателями школъ собираются слушать наставленія пастора, получаютъ религіозно-нравственныя брошюры, листки и безъ сомнѣнія они расходятся потомъ къ своимъ дѣтскимъ заботамъ съ болѣе чистою и просвѣтленною душою.

Кромѣ воскресеній въ протестантскихъ кирхахъ бываютъ еще собранія вечеромъ по средамъ. И эти собранія не бываютъ малолюдными, только на нихъ въ громадномъ большинствѣ преобладаютъ женщины. Женщины—охранительницы интимныхъ началъ: мужчина проводитъ свою жизнь и дѣлаетъ свое дѣло въ обществѣ, на улицѣ, предъ людьми, женщина своими заботами охраняетъ семью, покой и чистоту семейнаго очага, она раньше священника учитъ ребенка молиться. Ренанъ сказалъ, что въ образованіи великихъ религій (христіанства и ислама) великую роль играли женщины. Что ни одна строка христіанскаго и магометанскаго вѣроученія не написана женщиною, это слѣдовало бы знать французскому ученому, но что въ христіанской общинѣ и особенно въ христіанской семьѣ женщины оказывали могу-

чее вліяніе на проведеніе релігіознаго вѣроученія въ жизнь, объ этомъ мы склонны спорить всего менѣе. Мужчину отъ релігіозныхъ заботъ отвлекаетъ „злоба днєви“, онъ находитъ себѣ ободреніе и нравственное успокоеніе въ семьѣ, здѣсь онъ забываетъ о горестяхъ и непріятностяхъ службы, о тяжелыхъ столкновеніяхъ, о несправедливости. Женщина для того, чтобы дать нравственныя ободреніе и поддержку ищущему ихъ мужу, черпаетъ себѣ нравственныя силы въ молитвѣ и церкви, и тотъ запасъ чистаго настроенія и добрыхъ мыслей, который ей даетъ церковь, она отдаетъ семьѣ, дѣтямъ, мужу. Церковныя собранія Берлина показываютъ, что тамъ много такихъ женщинъ, и что, слѣдовательно, тамъ много дѣтей будетъ научено хорошо молиться.

Одинъ день въ году протестанты всецѣло посвящаютъ покаянію. Это—Busstag—день покаянія. Въ Берлинѣ въ прошломъ году онъ справлялся въ среду 16 (4) ноября. Торговая, научная, промышленная и служебная жизнь въ этотъ день прекращаются. Въ университетѣ не читается лекцій, въ театрахъ не играютъ спектаклей, не дозволяются даже концерты. Совершаются усиленныя службы, а вечеромъ въ нѣкоторыхъ театрахъ даются духовныя ораторіи. Я былъ въ этотъ день въ церкви ап. Филиппа. Проповѣдывавшій суперъ—интендентъ Фридрихъ говорилъ проповѣдь на евангелическій разсказъ о томъ, что Христосъ лицамъ, сообщившихъ ему о галилеянахъ умерщвленныхъ Пилатомъ сказалъ: „думаете ли вы, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ, но если не покаетесь, всѣ также погибнете“ (Лук. XIII, 2—3). Эти громовообличительныя слова Господа проповѣдникъ — хотя и не въ угрожающе суровой формѣ—нашелъ возможнымъ приложить къ своей скромной паствѣ. Громадная зала кирхи, хоры, все было переполнено, костюмы на всѣхъ были скромны, лица носили на себѣ отпечатокъ релігіознаго смиренія. Всѣ приходили сюда съ любовью къ Богу и всѣ призывались къ любви къ ближнему (при кирхѣ имѣется попечительство о бѣдныхъ прихода), и думается, что всѣ вышли изъ нея нѣсколько лучшими, чѣмъ какими вошли. Въ томъ обстоятельствѣ, что въ этотъ день запрещены спектакли, ясно открывается, что большинство на сторонѣ церковныхъ преданій, что релігія здѣсь далеко не достойное исторіи.

А дозволенные ораторіи? Это, вѣдь, нѣчто подобное богослуженію. Я слушалъ въ тотъ вечеръ въ королевской оперѣ ораторію Гайдна—„времена года“. Театръ былъ полонъ, но публика была одѣта необыкновенно скромно. Въ художественно задуманной формѣ изобразивъ путь жизни человѣка, ораторія дала всѣмъ глубоко нравственное назиданіе, показавъ, какимъ разумнымъ свѣтомъ освѣщаетъ круговоротъ жизни религія. Въ произведеніи не было ни одного элемента, ни одной ноты, которые носили бы на себѣ отпечатокъ того, что нерѣдко носитъ на себѣ искусство — язычества, прославленія человѣческой страсти, любви къ женщинѣ, геройскихъ подвиговъ и т. п. Нѣтъ, все было освѣщено высокою христіанскою идеею. Это былъ урокъ религіозной этики, облеченный изъ снисхожденія къ немощи слушателей въ эстетически художественную форму.

Мнѣ пришлось еще провести въ Берлинѣ Weihnacht—святую ночь, рождество Спасителя міра. Рождество—дѣтскій праздникъ. Уже задолго до 25 декабря въ магазинахъ появились елки, праздничные дѣды съ праздничными подарками, башмаки наполненные конфетами и т. д. Почти каждое нѣмецкое семейство устраиваетъ себѣ въ этотъ праздникъ елку. Но религіозный центръ тяжести въ праздникѣ чувствуется очень сильно. Уже задолго до святокъ въ крѣпкихъ начинаютъ даваться религіозные концерты—содержаніе піесъ главнымъ образомъ составляетъ событіе Рождества,—иногда устанавливается небольшой сборъ въ пользу бѣдныхъ на святки, ибо весьма прилично конечно, чтобы былъ хотя одинъ день въ году, когда и всѣ бѣдные были бы сыты. Все это, видно, совершается по установившейся вѣками традиціи, эти сантиментально возвышенные концерты, на которыхъ добродушныя нѣмки проливаютъ обильныя слезы, эти праздничныя книжки и картинки, назидательно поучающія о святой ночи, и это свѣтло-торжественное и умленное настроеніе, которое, конечно, болѣе всего охватываетъ дѣтей, но которое чувствуютъ въ нѣкоторой мѣрѣ и старики и взрослые. Чѣмъ можетъ замѣнить наука эту чистую радость чистаго праздника?

У насъ имѣются данныя, что даже тогда, когда эта наука заключаетъ свое содержаніе въ отрицаніи божественнаго характера христіанскихъ праздниковъ и въ отрицаніи сверхъ-

естественности христіанства. служители ея иногда ищутъ успокоенія въ томъ, что они отрицають въ своихъ научныхъ теоріяхъ. Есть въ Берлинѣ тиргартенъ, это большой дѣсь среди большаго города. Въ немъ есть церковь во имя ап. Матѳея, пасторъ этой церкви Браунъ—одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ Берлина—отличается въ церковномъ отношеніи строгимъ образомъ мыслей и сурово осуждаетъ новѣйшее рачіоналистическое направленіе богословской науки, онъ стоитъ за то богословіе, которое существовало изстари, которое вѣрнѣе, что Христосъ воскресъ и что если Онъ не воскресъ, то суетна вѣра наша. Знаете ли, кого называютъ въ числѣ усердныхъ слушателей и почитателей этого пастора? Адольфа Гарнака, эту блестящую звѣзду Берлинскаго Университета. Историкъ рачіоналистъ, можетъ быть забывая о своихъ рачіоналистическихъ теоріяхъ, скромно слушаетъ здѣсь изложеніе и утвержденіе старой, имъ въ сущности отрицаемой протестантской вѣры. Что приводитъ сюда историка? Недавно его постигло несчастье. Его братъ—профессоръ математики, которому онъ посвятилъ свою исторію догматовъ, сошелъ съ ума; онъ заболѣлъ маніей преслѣдованія, совершилъ изъ Берлина въ Будапештъ бѣгство отъ воображаемыхъ враговъ и кончилъ тѣмъ, что былъ посаженъ въ домъ умалишенныхъ. Мы думаемъ, что подобнаго рода событія не остаются безъ вліянія на наше нравственное міросозерцаніе, но намъ также кажется, что для талантливаго историка и помимо этого печальнаго обстоятельства имѣлись побужденія, заставлявшія его ходить въ церковь тиргартена. Остроумно и своеобразно объясняя происхожденіе христіанскихъ догматовъ, онъ своимъ свѣтлымъ умомъ долженъ былъ видѣть, что онъ лишаетъ ихъ внутренняго смысла, и его сердце, конечно, не могло успокоиться на его доктринахъ. Въ лабораторіи своихъ научныхъ спекуляцій онъ долженъ былъ находить слишкомъ мало чистаго и согрѣвающего душу воздуха. Такой воздухъ сохраняется въ старыхъ церквахъ, и блестящій историкъ Берлина и ходитъ туда, чтобы отъ времени до времени дышать въ ихъ здоровой и нравственно-благодѣтельной атмосферѣ.

Германію, положимъ, не называютъ безбожною, но этотъ эпитетъ часто усвояютъ странѣ, съ которою мы въ настоящее время находимся въ союзѣ—Франціи. Союзная, друже-

ственная... и безбожная нація. Для уха человѣка воспитаннаго въ старыхъ вѣрованіяхъ такое сопоставленіе опредѣленій, безъ сомнѣнія, покажется страннымъ, но намъ кажется, что это послѣднее опредѣляющее прилагательное не только странно, а въ значительной мѣрѣ и невѣрно. Въ Парижѣ возвышаются не мало величественныхъ и грандіозныхъ церквей, и эти церкви—не забытые музеи, не археологическіе памятники, а мѣста постоянныхъ многолюдныхъ собраній. Зайдите въ Notre Dame (соборъ парижской богородицы) въ какой вамъ угодно часъ, и всегда вы увидите у подножія статуи дѣвы людей, которые на колѣнахъ выливаютъ и исповѣдываютъ передъ нею скорби своего сердца, молятъ о своихъ нуждахъ, благодарятъ за полученныя радости. На улицахъ Парижа можно встрѣтить очень многихъ духовныхъ лицъ. О томъ, что религіозная вѣра далеко не угасла въ Парижѣ, кромѣ церквей и кюрэ свидѣлствуютъ цѣлыя улицы и округи. На улицѣ Rennes—громадной и широкой улицѣ, тянущейся отъ бульвара С-Жерменъ къ вокзалу Монпарнассъ вы найдете цѣлую серію магазиновъ торгующихъ религіозными предметами, спеціальныя книжныя магазины по католическому богословію (въ другихъ мѣстахъ имѣются спеціально протестантскіе). Округъ около церкви св. Сульпиція (тамъ состоитъ аббатомъ Вигуру—исслѣдователь въ области Ветхаго Завета, работы котораго высоко цѣнятся и учеными раціоналистическаго направленія) прямо носитъ названіе клерикальнаго: магазины, названія, надписи, все здѣсь говоритъ о силѣ католической вѣры. На любой улицѣ Парижа вы найдете немало магазиновъ, гдѣ продаютъ Souvenir première communion — обыкновенно картинки на память о первомъ причащеніи, и въ магазинахъ платья обыкновенно выставлены костюмы мальчиковъ и дѣвочекъ для première communion. Къ первому причащенію у католиковъ допускаются мальчики и дѣвочки въ возрастѣ лѣтъ 14 послѣ испытанія въ знаніи вѣры, и видно, что еще многіе жители Парижа считаютъ нужнымъ учить дѣтей истинамъ этой вѣры и направлять ихъ къ принятію пищи отъ древа жизни.

Замѣчательно, что въ Парижѣ религія имѣетъ своихъ почитателей главнымъ образомъ вовсе не въ низшемъ классѣ населенія, христіанство здѣсь вовсе не религія рабовъ, какъ

это было въ древнемъ Римѣ, и не религія певѣждь, какъ это пытаются утверждать нѣкоторые органы русской печати. Нѣтъ, христіанство имѣеть здѣсь своихъ искренныхъ сыновъ въ самыхъ различныхъ классахъ общества. И такъ какъ мы съ вами, конечно, должны и хотимъ имѣть дѣло съ міромъ интеллигентнымъ, съ міромъ разума, то для насъ и поучительно отмѣтить, что въ высшемъ ученомъ учрежденіи французской республики члены съ христіанскимъ образомъ мыслей вовсе не устраняются и не представляютъ собою исключительнаго явленія. Высшее ученое учреждение Франціи, это—французскій институтъ, зданія котораго помѣщаются противъ роскошныхъ музеевъ Лувра на лѣвомъ берегу Сены. Институтъ этотъ подраздѣляется на слѣдующія отдѣленія: французская академія (академія сорока безсмертныхъ), образуемая главнымъ образомъ изъ наличнаго состава лучшихъ французскихъ литераторовъ, академія наукъ, академія надписей и изящной литературы, академія правственныхъ и политическихъ наукъ, академія изящныхъ искусствъ. Между членами этихъ академій находится немало лицъ, религіозность которыхъ никѣмъ не оспаривается. Таковъ въ числѣ безсмертныхъ Брюнетьеръ (онъ же редакторъ одного изъ самыхъ солидныхъ журналовъ Франціи *Revue de deux mondes*), по мнѣнію нѣкоторыхъ и благомыслящихъ и вѣрующихъ ученыхъ онъ даже перешелъ нужныя границы въ своемъ недавнемъ апологетическомъ походѣ, именно тѣмъ, что, защищая вѣру, вздумалъ черезъ чуръ унижать науку, этимъ онъ далъ въ руки своихъ враговъ оружіе, которымъ, конечно, тѣ не замедлили воспользоваться. Но во всякомъ случаѣ Брюнетьеръ—лицо не отсталое по своимъ воззрѣніямъ: засѣданія академіи бываютъ подъ его предсѣдательствомъ. Далѣе, въ числѣ членовъ есть даже епископъ (Перо, епископъ отенскій), членомъ состоитъ Бурже, который довольно рѣшительно неповѣдуетъ истинность и правдивность обязательность христіанскихъ доктринъ. По отдѣленію наукъ мы находимъ не мало добрыхъ католиковъ и вообще вѣрующихъ христіанъ: престарѣлаго математика Гермита, астронома Фая, который начало своей книги о происхожденіи міра посвятилъ разсужденію о Богѣ творцѣ, бытіе котораго призналъ непоколебимо, Лапшарана—строгаго католика и блестящаго геолога, Годри, который хотя и вѣ-

руеть въ эволюцію, но вѣруеть также, что прогрессивное теченіе міровой жизни управляется высшимъ Промысломъ. Въ академіи надписей мы находимъ аббата Дюшенія, въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ Поля Жана и Бутру являются представителями идеалистическихъ началъ. Къ этимъ именамъ можно бы было присоединить и другія и потомъ должно замѣтить, что если начать перечислять членовъ института, стоящихъ въ прямой оппозиціи къ религіи, то ихъ окажется очень немного. Каждый новый членъ въ каждомъ отдѣленіи института выбирается путемъ голосованія членами этого отдѣленія. Конечно, всѣ кандидаты хорошо извѣстны тѣмъ, кто ихъ выбираеть, и то обстоятельство, что при такихъ условіяхъ выбираются лица съ религіознымъ міросозерцаніемъ и что, напротивъ, прямые противники религіи выбираются рѣдко и только обыкновенно уже во вниманіе къ исключительной талантливости (въ прежнее время Литрэ, Ренанъ, теперь— Сюлли Прюдомъ, но Эмиль Зола въ теченіе уже многихъ годовъ тщетно стучится въ двери академіи), ясно показываетъ, что атмосфера французскаго института, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и атмосфера всей мыслящей Франціи вовсе не антирелигіозная.

Мы ведемъ рѣчь о томъ, что было и что есть. То, что есть, мы можемъ наблюдать болѣе или менѣе непосредственно: современное религіозное состояніе Россіи, Германіи, Франціи, Англій и т. д., но о томъ, что было, мы можемъ судить только по литературнымъ источникамъ, свидѣтельствамъ современниковъ, и здѣсь наши представленія о положеніи дѣлъ могутъ въ значительной степени мѣняться, смотря по тому, какія начала мы примемъ въ руководство для составленія нашихъ сужденій. При оцѣнкѣ и выясненіи прошедшаго очень легко можно впасть въ заблужденіе, довѣрившись писателямъ, которые идеализируютъ старину и особенно старину религіозную. Намъ всѣмъ приходилось слышать и читать о благочестивой и святой старинѣ, о благочестіи людей прошлыхъ столѣтій, и опираясь на подобнаго рода чтеніе, нѣкоторые думаютъ, что происходитъ постоянное паденіе вѣры. Но обратимся къ иного рода документамъ. Остановимся на философской литературѣ второй половины XVIII столѣтія и именно на философской литера-

турѣ Франціи и сравнимъ ее съ современной. Литература прошлаго столѣтія безмѣрно далеко заходила въ отрицаніи, литература настоящаго времени гораздо сдержаннѣе, спокойнѣе—и относится съ несравненно большимъ уваженіемъ къ традиціоннымъ взглядамъ и вѣрованіямъ. Франція и особенно Парижъ легко могутъ произвести на наблюдателя впечатлѣніе безбожной страны, потому что тамъ не запрещается невѣрующимъ людямъ громко кричать, что они ни во что не вѣрують, но очень несправедливо шумъ, поднимаемый подобнаго рода лицами, принимать за выраженіе общаго настроенія и общихъ убѣжденій. Разумная религіозная вѣра спокойна, серьезна и не говорлива; невѣріе нерѣдко бываетъ хвастливымъ и заносчивымъ и часто обнаруживаетъ склонность къ побѣдоносному шуму. Во Франціи гдѣтъ цензуры, и потому атеисты спѣшатъ воспользоваться имѣющеюся возможностью погдумиться надъ вѣрою, высказать свое *profession de foi*, привлечь, если это окажется возможнымъ, къ себѣ новыхъ адептовъ. Когда, основываясь на подобнаго рода явленіяхъ, намъ говорятъ о современномъ торжествѣ атеизма и объ отошедшемъ въ вѣчность благочестіи прошлаго, намъ вспоминаются рассказы о прежнихъ благочестивыхъ людяхъ, которые громко въ слухъ всего міра говорили: Господь Богъ создалъ Адама, а потихоньку въ интимныхъ компаніяхъ настаивали: „ну, полно, какой тамъ Богъ, просто на просто обезьяна“ когда у лучшихъ изъ таковыхъ въ интимной же бесѣдѣ спрашивали, почему же они называются такими неблагодарными по отношенію къ произведшей ихъ природѣ и по отношенію къ своимъ дѣйствительнымъ обезьяноподобнымъ предкамъ, ставя на ихъ мѣсто придуманнаго Бога и мифическаго Адама,—они отвѣчали, что этимъ они успокоиваютъ сердца вѣрующаго народа и дѣлають болѣе спокойнымъ и счастливымъ собственное положеніе, послѣднее, конечно, самое важное. Святые отцы и благочестивые мыслители прошлыхъ вѣковъ всегда признавали, что есть нѣчто худшее, чѣмъ атеизмъ, и мы думаемъ, что это религіозное лицемѣріе прошедшаго гораздо хуже наивнаго крика современныхъ атеистовъ.

Говорять о томъ, что религіозность исчезаетъ въ массахъ. Но прежде всего спросимъ мы, откуда знаютъ, что она въ нихъ была? Къ народу, къ массамъ внимательно стали от-

носиться и изучать его только недавно. Прежде его или игнорировали или идеализировали, или изображали въ самыхъ черныхъ краскахъ, но въ глубину народной души не заглядывали. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что назадъ тому столѣтіе народъ былъ гораздо невѣжественнѣе, чѣмъ теперь: онъ не зналъ самыхъ начальныхъ истинъ религіозной вѣры. Какую же вѣру могъ имѣть онъ? кѣмъ и какому невѣдомому Богу былъ воздвигнуть алтарь въ сердцахъ этого народа? Что онъ былъ суевѣриѣе, это—безспорно. Въ такомъ случаѣ нужно только радоваться, что онъ теперь хотя отчасти освободился отъ гнета и власти страховъ созданныхъ собственнымъ воображеніемъ, онъ сталъ менѣе довѣрчивъ и болѣе критиченъ и самостоятеленъ; но дѣйствительные сторонники религіозной истины могутъ и должны только радоваться этому.

Я сказала, что мнѣ представляется, что вѣра теперь стала болѣе разумною и, слѣдовательно, болѣе крѣпкою. Вѣра людей въ теченіе послѣдняго столѣтія подвергалась многимъ искушеніямъ, и потому неудивительно, что большинство изъ преодолѣвшихъ искушенія суть люди высокихъ достоинствъ. Прежде вѣра, все равно какъ милостыня фарисеевъ, получала очень скоро свою награду и притомъ не отъ Бога, а отъ людей. Это дѣлало слабѣйшихъ изъ вѣрующихъ требовательными, заносчивыми, самоувѣренными. Они могли преслѣдовать невѣріе, сомнѣнія, и будучи господами положенія вещей, они нерѣдко въ религіозной, но неразумной ревности на ряду съ дѣйствительными заблужденіями преслѣдовали и мнимыя, на ряду съ требованіемъ исповѣданія божественной истины часто требовали неповѣданія и человѣческой лжи—своего совершенно ошибочнаго пониманія писанія и—вообще—откровенія. Теперь положеніе вещей измѣнилось. Люди вѣры прежде всего сами призываются давать отчетъ въ ихъ упованіи, имъ никто не слѣдуетъ подчиняться, но отъ нихъ требуютъ, чтобы они представили оправданіе разумности и моральности своихъ воззрѣній. Прежде учителя вѣры не всегда съ достаточнымъ разборомъ возлагали бремена на тѣхъ, кто желалъ имъ слѣдовать, придавали одинаковую важность и существенному и несущественному, не разграничивали области вѣры отъ области подлежащей свободному изслѣдованію, по этому ученіе о

кровообращеніи или о шарообразности земли казалось имъ иногда болѣе преступнымъ, чѣмъ воровство и убійство. Теперь въ силу новыхъ условій они принуждены много раздумывать о существенномъ и несущественномъ въ вѣрѣ, о томъ, гдѣ должно полагать границы требованіямъ религіознаго вѣроученія. Прежде *ad maiorem Dei gloriam*—для религіозныхъ цѣлей часто пускались въ ходъ мірскія средства, пытались насильно направлять людей въ царство небесное, теперь въ этомъ дѣлѣ слѣдуютъ словамъ Господа о царствѣ небесномъ, что оно“ силою берется и употребляющіе усиліе входятъ въ него“—входятъ при помощи собственной нравственной самодѣятельности, къ которой могутъ направить человѣка только высокій нравственный примѣръ и убѣждающее своею внутреннею истинною слово. И на самомъ дѣлѣ—посмотримъ: въ доброе старое время, когда царили благочестіе и чистота вѣры, на которыя такъ умиляются любители старины, каковы были духовные вожди народа? Католическое духовенство пачала новыхъ вѣковъ, іезуиты—что же это дѣйствительные служители Христа и истолкователи Его заповѣдей? Іезуитовъ вообще никогда не обвиняли въ безнравственности, они всегда являлись фанатическими служителями религіозной идеи, но какимъ грубымъ непониманіемъ христіанства была запечатлѣна ихъ дѣятельность въ прошедшемъ! Іезуитовъ много и теперь, между ними много ученыхъ, и вѣрующіе и невѣрующіе читаютъ теперь съ истиннымъ удовольствіемъ ихъ трактаты—въ этихъ трактатахъ нѣтъ старой казуистики, нравственной эластичности, двухмысленности, это—добросовѣстные и часто талантливые изслѣдованія по различнымъ вопросамъ знанія. На служителяхъ католической вѣры лежитъ старая тѣнь многихъ историческихъ грѣховъ: ихъ обвиняютъ и въ жестокости къ противникамъ (Бруно, Галилею) и въ безнравственности. Рассказываютъ страшныя исторіи о развратѣ папъ. Но теперь? Самый упорный врагъ католицизма едва ли насчитаетъ во Франціи много фактовъ, говорящихъ о безнравственности или безчестности ихъ служителей алтаря. Что касается до нравственной личности послѣднихъ папъ, то на нее рѣшительно никто не осмѣливается набросить тѣни. Католицизмъ съ своимъ видимымъ непогрѣшимымъ главою, конечно, содержитъ много заблужденій; нельзя сказать, что

его духовенство вообще безупречно: отъ времени до времени оно въ различныхъ мѣстахъ проявляетъ неразумный фанатизмъ, и затѣмъ, обязательное celibатство налагаетъ на него такое искушеніе, переносить которое способными оказываются только немногіе. Но безспорно, что теперешнее духовенство несравненно лучше прежняго, что времена Боккачіо и его „декамерона“ прошли. Если учителя и руководители стали лучше, то должны стать лучше и ученики и руководимые.

Но мы предполагаемъ не только то, что учителя вѣры и общество вѣрующихъ становится лучше; нѣтъ, мы предполагаемъ гораздо большее, что и невѣрующее общество стало лучше, что, не смотря на то, что оно отрицаетъ ученіе Христа, оно восприняло нѣкоторыя Христовы заповѣди и все шире и шире, болѣе и болѣе проводитъ ихъ въ жизнь. Ближайшая задача, которая намѣчена возрожденному человечеству, это—устроеніе царствія Божія (церкви Божіей) на землѣ. Царство Божіе, это—правда, миръ и радость о Святомъ Духѣ. Безъ сомнѣнія, прямой путь, которымъ каждый можетъ содѣйствовать устроенію этого царствія, это—прежде всего личное религиозное, а затѣмъ и всестороннее усовершеніе; но человѣкъ слабъ, и едва ли его особенно можно осуждать, если онъ приближается къ высшей правдѣ не прямыми, а извилистыми путями. Должно любить Бога, это—высшая задача и высшее блаженство человѣка, но большому и мутному взору человечества страшно и больно взирать на Божество. Поэтому людямъ дана другая ближайшая заповѣдь—любить ближняго. Кто говоритъ: „я люблю Бога, а брата своего ненавижу; тотъ лжецъ, ибо нелюбящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ“ (1 Іоан. IV, 20). Апостолъ не говоритъ, что, кто любитъ ближняго, тотъ уже непременно любить и Бога, но изъ его словъ можно вывести, что любовь къ ближнему есть шагъ на пути любви къ Богу. И вотъ, мнѣ думается, что невѣрующій Западъ дѣлаетъ шаги въ этомъ направленіи. Никто не можетъ оспаривать, что тамъ видна усиленная забота о благополучіи меньшихъ братій. Забота о томъ, чтобы бѣднымъ дѣтямъ давать бесплатное образованіе, доставлять содержаніе, развлеченія, устраивать для нихъ праздники: затѣмъ забота о бѣдныхъ

взрослыхъ, чтобы они не подвергались эксплуатаціи богатыхъ, чтобы они по возможности имѣли доступъ къ духовнымъ радостямъ жизни, могли наслаждаться чтеніемъ, музыкою, пѣніемъ, театромъ, могли бы видѣть произведенія искусства, знакомиться съ научными завоеваніями. Далѣе, забота о бѣдныхъ въ болѣзни и старости—образованіе пенсій, сберегательныхъ кассъ.—Теперь тщательно стараются урегулировать заработную плату и число часовъ рабочаго дня. Число рабочихъ часовъ стремятся сократить, а заработную плату увеличить. Бесплатныя лѣчебницы, бесплатныя бібліотеки, бесплатныя учебныя курсы въ западныхъ городахъ часто попадаются на глаза. Во время моего пребыванія въ Парижѣ тамъ произошла стачка почтальоновъ. Палата депутатовъ составила проэктъ объ увеличеніи ихъ содержанія, сенатъ отвергъ предложеніе палаты. Это произошло въ среду днемъ, а въ четвергъ утромъ въ Парижѣ уже не разносилось писемъ, и Парижъ, въ которомъ ежедневно доставляется на дома до милліона писемъ, печатныхъ изданій и посылокъ, подобно глухимъ городкамъ и деревнямъ, имѣющимъ неежедневное почтовое сообщеніе, въ этотъ день остался безъ почты. Стачка была быстро и энергично подавлена. Безспорно, образъ дѣйствій стачечниковъ былъ нечестенъ (они отказались исполнять обязанности, не отказываясь отъ должности), незаконенъ и паразуменъ. Вслѣдствіе ихъ поведенія пострадали совершенно невинные люди, не получившіе своевременно нужныхъ сообщеній. Не представлялось особыхъ затрудненій уволить весь составъ почтальоновъ и замѣнить его новымъ, но вмѣсто того, чтобы поступить такъ, съ какимъ снисхожденіемъ и вниманіемъ отнеслись къ нимъ правящіе классы. И печать, и общество единогласно высказали порицаніе ихъ движенію, но, признавая ихъ заслуживающими кары, указывали великое смягчающее обстоятельство въ скудости получаемаго ими содержанія и говорили, что должно смягчить имъ наказаніе и позаботиться объ улучшеніи ихъ быта. Точно также во всѣхъ другихъ сферахъ дѣятельности упорно ставится теперь вопросъ о меньшихъ дѣлателяхъ, объ ихъ благополучіи. Не только эксплуатація, но даже неравноправность встрѣчаютъ себѣ суровое осужденіе. О народѣ о меньшемъ братѣ заботятся—его хотятъ накормить, одѣть, научить и приобщить къ культурному человѣчеству. Но эти

заботы о меньшемъ братѣ развѣ не представляютъ собою шага на пути къ устроению царствія Божія?

Могутъ возразить, что въ данномъ случаѣ мотивы, побуждающіе невѣрующіе общественные классы запада заботиться о низшихъ, вовсе не высоконравственнаго характера. Что одни о меньшихъ братьяхъ вспоминаютъ, чтобы колѣнуть имъ своихъ старшихъ братій, что другіе обращаются къ меньшимъ братьямъ, чтобы имѣть въ нихъ опору противъ старшихъ. Что вообще высшіе классы дѣлаютъ уступки низшимъ, потому что чувствуютъ, что безмѣрная эксплуатація и давленіе низшихъ классовъ не могутъ кончиться добромъ, что народъ, эта стихійная сила, можетъ возмутиться, придти въ движеніе, можетъ произойти революція, можетъ начаться дикая и кровавая расправа съ высшими классами. Побужденіемъ для того чтобы заботиться объ образованіи и развитіи низшаго класса, говорятъ далѣе, можетъ служить стремленіе имѣть у себя слугъ и работниковъ лучшаго качества. Вообще хотятъ установить, что не любовь къ меньшему брату побудила старшаго протянуть ему руку помощи, а забота о собственномъ благополучіи и собственная опасность. Если же все это совершается даже не на альтруистической, то тѣмъ болѣе, конечно, не на религіозной почвѣ. Сами борцы за права человѣка не апеллируютъ къ религіи, да и ихъ способъ дѣйствія далеко не всегда согласуется съ требованіями религіозной правды. Пусть все это такъ! скажемъ мы. Пусть взаимообщеніе между высшими и низшими, благотворительныя учрежденія, больницы, школы возникли для блага ближняго раньше, чѣмъ устроявшіе эти учрежденія пожелали имъ блага. Вообще, пусть выраженія любви явились раньше любви. За всѣмъ тѣмъ, намъ кажется, во всемъ этомъ нужно видѣть движеніе ко благу, къ созиданію царствія Божія. Внутренняя настроенность людей не отвѣчаетъ провозглашаемымъ и даже отчасти осуществляемымъ имъ принципамъ добра, дѣла явились раньше любви, но разъ заповѣдь о любви произнесена громко, разъ люди увидѣли необходимость осуществленія этой заповѣди, то благоразуміе скоро приведетъ ихъ къ сознанію, что самое лучшее для нихъ это пріобрѣсти такую настроенность, по отношенію къ которой дѣла любви явились бы ея естественнымъ выраженіемъ. Въ про-

шестемъ высшіе классы общества презирали низшіе и эксплуатировали ихъ. Низшіе классы завидовали высшиму и ненавидѣли ихъ. Вотъ—строй жизни, надъ созданиемъ котораго трудился отецъ лжи и зла дьяволъ. Божественный промысль словами пророковъ и учителей, равно какъ и событіями жизни, наставлялъ людей, что ихъ жизнь ненормальна, и что начало благополучія на землѣ утверждается на возвѣщенныхъ съ неба шести послѣднихъ заповѣдяхъ десятословія: почитай родителей, не убивай, не прелюбодѣйствуй, не кради, не клевети и не только не дѣлай, но и не желай дѣлать ничего подобнаго. Первая изъ этихъ заповѣдей и есть первая заповѣдь съ обѣтованіемъ: „да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будешь на земли блазѣ“. И вотъ, опытъ тысячелѣтій приводитъ людей къ признанію вѣчной правды этихъ истинъ второй части десятословія. Часть признается за истину, это великій шагъ къ тому, чтобы признать истину цѣлаго.

Движеніе по направленію къ истинѣ, по пути къ правдѣ выражается въ настоящее время въ отношеніяхъ нѣкоторыхъ невѣрующихъ къ служителямъ религіозной правды. Въ прошедшемъ это отношеніе можно было характеризовать однимъ словомъ—глумленіе. Въ служительѣ алтаря, въ богословѣ невѣрующіе вовсе не хотѣли видѣть челоуѣка какихъ-либо убѣжденій, борца за то, что онъ считаетъ истиной,—въ немъ обыкновенно видѣли шарлатана и притомъ даже низшаго разбора. Мы можемъ читать старинныя описанія того, какъ негры ловили іезуитовъ, и какъ маленькіе негрятѣнки кричали съ восторгомъ, что они сегодня будутъ ѣсть іезуитину. Мы можемъ читать описанія любовныхъ приключеній патеровъ, по большей части неудачныхъ, рассказы объ ихъ корыстолюбіи и о томъ, какъ, встрѣчаясь съ плутами, болѣе искусными, чѣмъ они сами, они оставались въ глупомъ положеніи и пропадали. Даже нашъ Пушкинъ—можетъ быть въ дни, когда у него, пользуясь его собственнымъ выраженіемъ были „сердце пусто и празденъ умъ“—разрѣшился однимъ такимъ произведеніемъ. Досузіе люди не прочь и теперь искать для себя духовнаго наслажденія въ подобнаго рода глумленіи—но общее направленіе теперь иное. Невѣрующій мыслитель нашихъ дней видитъ въ богословѣ не шарлатана, не пракческаго дѣльца, а идеалиста—

человѣка благородныхъ, возвышенныхъ, но—правда—только въ принциповъ. Каждое заблужденіе, конечно должно имѣть вредныя послѣдствія; таковыя послѣдствія, съ точки зрѣнія современнаго атеиста, должна имѣть и религіозная вѣра, но онъ видитъ для нея много смягчающихъ обстоятельствъ—онъ признаетъ, что эта, съ его точки зрѣнія, *via fraus* полезнѣе и благотворнѣе того „не знаю“, которое только единственно онъ можетъ сказать въ отвѣтъ на вѣко-вѣчные вопросы. Затѣмъ, современный мыслитель, не принимающій положительной религіи, *libre penseur*, вообще говоря, не столько атеистъ или пантеистъ, сколько скептикъ,—онъ во всемъ сомнѣвается и въ глубинѣ души у него всегда таится сомнѣніе—точно ли выбранное имъ міропониманіе есть наилучшее? Будучи въ глубинѣ души скептикомъ, мыслитель понимаетъ прекрасно, что для житейскаго обихода очень недостаточно одной скептической философіи, что нужно нѣчто положительное, нужны нѣкоторые устои и что такіе устои можно находить въ религіи. Конечно, религія съ ея мистицизмомъ, откровеніемъ, догматами въ его глазахъ есть тормазъ для свободнаго изслѣдованія истины, но съ другой стороны онъ признаетъ, что она заключаетъ въ себѣ много добрыхъ правилъ, освящаетъ требованія морали, и что въ концѣ концовъ догматы религіи не хуже догматовъ любой философіи. Отсюда и служителю религіи, будетъ ли онъ служителемъ церкви или только ученымъ, защищающимъ религіозныя начала, въ глазахъ современнаго атеиста является лицомъ вполне заслуживающимъ уваженія,—онъ видитъ въ немъ разномыслящаго собрата (собрата по занятіямъ философскими вопросамъ), и въ его глазахъ этотъ братъ является даже окруженнымъ нѣкоторымъ возвышеннымъ ореоломъ: онъ защитникъ умирающихъ идеаловъ—возвышенныхъ, благородныхъ, но умирающихъ, онъ—жертва святой иллюзіи. Современный мыслитель, конечно, считаетъ себя нѣсколько выше этого собрата, молящагося тѣни, но онъ слишкомъ развитъ для того, чтобы не оцѣнить достоинствъ святой молитвы. Человѣкъ, молящійся небу объ очищеніи своего сердца и оправданіи своего духа, не виноватъ въ томъ, что небо не слышитъ его, потому что оно пусто; если небо не можетъ, то люди должны оцѣнить благородный характеръ его молитвы. Во имя этого и многихъ иныхъ по-

добныхъ соображеній христіанскій богословъ не презирается теперь невѣрующимъ міромъ. Ученый невѣрующій спѣшитъ къ нему съ дружественно протянутою рукою и съ готовностію служить, поскольку можетъ, своими учеными указаціями. При подобнаго рода встрѣчахъ, при первомъ свиданіи забывается различіе націй, различіе убѣжденій, люди сходятся на общей почвѣ честнаго исканія истины, которую они понимаютъ различно, но узнать которую оба они желаютъ отъ всей души. Я смѣю думать, что ни одинъ православный богословъ въ настоящее время не можетъ сказать, что на инославномъ и невѣрующемъ западѣ къ нему отнеслись высокоомѣрно, съ насмѣшкою или что ему отказали или обнаружили неохоту давать нужныя пособія. Онѣтъ, современный православный богословъ при своихъ странствованіяхъ по западу такъ же, какъ и другіе,—и я склоненъ думать даже болѣе, чѣмъ другіе—встрѣчаетъ свидѣтельства и доказательства возрастающаго и укрѣпляющагося сознанія братства народовъ. Его встрѣчаютъ какъ брата, какъ друга, къ его вѣрованіямъ относятся съ уваженіемъ и къ нему самому съ любовью. Подобнаго рода отношеніе рождаетъ въ душѣ самыя благородныя чувства,—начинаешь сознать нравственную солидарность человѣчества. А развѣ эти чувства не представляютъ собою приближенія къ тѣмъ, которыя должны одушевлять членовъ церкви Христовой, гдѣ нѣтъ ни еллина, ни іудея, ни раба, ни свободнаго, ни мужескаго пола, ни женскаго, но—въ и во-всѣхъ Христосъ.

Кто вѣритъ, что человѣчество должно устроить свою жизнь не по собственнымъ измышленіямъ и произволу, а на основаніи ученія откровенія, кто вѣритъ, что залогъ счастья человѣчества въ религіи, тому, мы думаемъ, должно быть дорого то обстоятельство, что религія въ настоящее время становится предметомъ усерднаго изученія, и ее изучаютъ не только вѣрующіе, какъ данное и непререкаемое исповѣданіе вѣры, но ее изслѣдуютъ и невѣрующіе, какъ замѣчательный историческій фактъ, какъ важную психологическую проблему. Изучается религія вообще, во всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ формахъ, въ которыхъ она являлась въ исторической дѣйствительности. Стараются понять религіозныя вѣрованія дикарей, пытаются проникнуть въ сум-

ракъ ихъ душъ. Прежде вопросъ о нихъ, ихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ рѣшался очень просто: они хуже скотовъ безсловесныхъ, ихъ можно и должно употреблять вмѣсто скота, за ними охотились въ Африкѣ и ими наводняли торговые рынки Америки. Когда американскіе дикари оказались малоспособными къ работѣ, обстоятельства какъ то сложились такъ, что эти несчастные дикари стали вымирать. Теперь вспомнили и объ этихъ уже дѣйствительно меньшихъ братьяхъ человѣчества, и теперь лучшіе изъ изслѣдователей засвидѣтельствовали, что въ душѣ у первобытныхъ дикарей таятся тѣ же и стремленія и порывы къ непостигнутому Благу“. Пытаются понять сущность ихъ вѣрованій, выяснить и опредѣлить тотъ психическій рычагъ, который заставляетъ ихъ почитать фетишей и бояться мертвецовъ. Усердно изучаютъ религіи древнихъ культурныхъ народовъ, изъ религій современныхъ буддизмъ со стороны нѣкоторыхъ пользуется даже преувеличеннымъ вниманіемъ. Изученіе религій ведется раціоналистическимъ методомъ, но весьма важенъ самый фактъ, что оно ведется и ведется усердно. Въ первое время существованія христіанства о христіанахъ ходили самыя пелѣныя и невозможныя слухи, говорили, что они употребляютъ въ пищу человѣческія тѣла и кровь, что предаются неудержимому разврату, что у нихъ на вечерахъ любви происходитъ кровосмѣшеніе. Въ отвѣтъ на эти обвиненія христіане отвѣчали приглашеніемъ узнать ихъ поближе. На религію вообще въ недалекомъ прошломъ возводилось тоже не мало и тяжелыхъ обвиненій и происхожденіе ея предполагали въ самыхъ мутныхъ источникахъ. Мы должны радоваться, что религію теперь изслѣдуютъ. Пусть на самомъ дѣлѣ провѣрятъ—явилась ли она вслѣдствіе невѣжества, неразумія и страха или имѣетъ свой корень въ иныхъ высшихъ побужденіяхъ. Пусть изслѣдуютъ христіанство. Результатомъ изслѣдованія должно явиться познаніе истины, но Христосъ сказалъ: „познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“ (Іоан. VIII, 32), т. е. свободными отъ заблужденій, истина разсѣетъ тьму, въ которой теперь бредетъ человѣкъ, и онъ тогда свободно и сознательно будетъ выбирать себѣ путь жизни, который теперь онъ часто выбираетъ подъ темными вліяніями. Конечно, между познаніемъ истины и ея исканіемъ лежитъ большое

разстояніе и ихъ раздѣляетъ немалое число препятствій. Ограниченность умственныхъ силъ и познаній человѣка дѣлають то, что онъ легко принимаетъ ложь за истину и высшую истину отвергаетъ во имя лжеименнаго знанія. По отношенію къ религіозной области даже обыкновенно происходило то, что первые шаги изслѣдованія вели къ отрицанію или сомнѣнію. Но наша религіозная вѣра даетъ намъ надежду, что это—только первые шаги,—дальнѣйшее движеніе само по себѣ должно показать ошибочность первоначальныхъ рационалистическихъ обобщеній и затѣмъ, неужели богословы окажутся совсѣмъ неспособными или нежелающими показывать рационалистамъ ошибочность ихъ методовъ и воззрѣній?

Не будемъ закрывать глаза передъ истинною: научное изслѣдованіе доселѣ въ общемъ направляло людей не по пути къ церкви, но вело отъ церкви на страну далече. Между нѣкоторыми положеніями науки и тезисами вѣры повидному есть противорѣчіе, а изъ двухъ противорѣчивыхъ положеній только одно можетъ быть истиннымъ. Между религіей и наукой конфликтъ по многимъ пунктамъ существовать всегда и по многимъ пунктамъ онъ устраненъ, по постепенное развитіе научнаго знанія непрерывно выдвигаетъ новые пункты для столкновеній. На комъ лежать забота объ ихъ устраненіи? Конечно, на насъ съ вами, господа! Наше дѣло бороться съ тѣми идолами Бэкона, которые закрываютъ святую истину отъ человѣчества.

Вамъ предстоитъ вести эту борьбу въ наступающемъ XX столѣтіи. Вы—работники XX столѣтія. Въ какомъ же положеніи находитесь теперь къ началу вѣка поле духовной битвы, въ которой принимаютъ участіе лучшія духовныя силы человѣчества? Въ какомъ положеніи паходится конфликтъ между религіей и наукой? Какія представляются лучшія средства для его устраненія? Я думаю, что намъ лучше всего начать нашу работу съ обсужденія этихъ вопросовъ, съ изслѣдованія современнаго положенія борьбы между религіей и наукой, чтобы путемъ такого изслѣдованія выяснить существо и задачи науки о религии, опредѣлить методы, которыми мы должны идти въ избранной нами дѣятельности.

С. Глаголевъ.